

*Посвящается всем животным и людям,
вдохновлявшим, любившим
и считавшим меня своим другом.*

Ноэль Фицпатрик

Содержание

1. Ягненок	6
2. Коровы, овцы и земля	16
3. Малиновка и каштан	40
4. Кошка и ее котята	62
5. Пират	84
6. Безымянный пес	110
7. Каждый должен заниматься своим делом	130
8. Слушать животных	148
9. Прокладывая свой путь	174
10. Ежи	196
11. Умиравший лебедь и мой «сын»	216
12. Парень с куриными мозгами обретает крылья ...	242
13. Уинстон и россомаха	262
14. Кира	290
15. Энцо и Оскар	320
16. Тигр	346
17. Митци	368
18. Уиллоу	398
Эпилог	416

1

Ягненок

Рождение Супервета

Макрельные полосы яркой морозной луны прорезали облака и пробивались сквозь расписанное замерзшими каракулями окно моей спальни. Узкая шаткая кровать с очень тонким матрасом на еще более тонких пружинах скрипела при каждом движении, поэтому я изо всех сил старался не шевелиться. Моя спальня была одной из пяти в старом каменном фермерском доме, причем самой дальней от каминного дымохода, поэтому здесь было так холодно, что можно было написать свое имя на заиндевевшем окне. Если бы во сне ваша нога свесилась с кровати, проснувшись среди ночи от холода, вы бы подумали, что ее отрубили. И все же здесь было теплее, чем на улице. За плинтусом поселилось семейство мышей. Они прогрызли большую дыру в обоях в цветочек. Мама поставила мышеловку, но я не мог вынести мысли о том, что, поднявшись утром, обнаружу в ней мертвого мышонка, поэтому каждый вечер накрывал ее футболкой.

Когда зазвонил будильник, мне показалось, что я только что заснул. Этот старый большой бело-зеленый металлический громко тикающий будильник я ненавидел. И по сей день я не выношу его трезвона. Я закутывал его в очередную футболку, чтобы хоть как-то приглушить эти звуки, но унять яростный перезвон двух колокольчиков с маленьким молоточком наверху было просто невозможно. Надо было встать и идти к овцам. Все это про-

ноэль фицпатрик

исходило в 1978 году, когда мне было десять лет. Весной появлялись ягнята, поэтому утреннюю смену всегда брал на себя папа, а мне доставалась ночная, с часу или двух часов — неудивительно, что я на всю жизнь остался «совой». Если про меня что-то можно сказать определенно, так это то, что я не «жаворонок».

В 70-е годы в местечке Баллифин, что в графстве Лиришь в Ирландии, рождение ягнят обычно происходило на открытом воздухе. По крайней мере, на ферме Шона Фицпатрика, моего отца, это было именно так. В сарае не хватало места, чтобы разместить там всех овец, которые должны были ягниться. Только после появления ягненка или если мы понимали, что он вот-вот родится на свет, овцу уводили в сарай. Естественно, это было трудно точно определить, и порой ягнята рождались прямо в поле.

Я вылез из уюта своей скрипучей кровати в холодную темноту. Узкие лучики лунного света, как тонкие льдинки, впилась мне в ноги. Было так холодно, что я оделся очень быстро: натянул старый джемпер прямо на клетчатую пижаму, поверх надел утепленную зеленую куртку, сразу же накинув шерстяной капюшон на взъерошенные волосы. Штаны были слишком велики — они достались мне от старшего брата. Мне часто представлялось, что я примерз к месту и превратился в ледяную глыбу, как будто на меня обрушилась ледяная лава из морозного вулкана. Выбравшись за желтую дверь моей спальни, на которой и по сей день висит маленькая фарфоровая табличка с надписью «Личное пространство», я нашарил на стене два кольца с ключами и выбрал одно, с маленьким солдатиком. Вот как я себя ощущал: маленький ягнячий солдат. Спустившись на кухню, я подошел к двери, сунул тощие босые ноги в огромные резиновые сапоги и шагнул в непроглядную тьму.

ягненок

Февральский мороз сковал поля. Стояла полная тишина, нарушаемая лишь редким приглушенным бляньем овец, которые то просыпались, то снова погружались в дрему, да негромким шорохом ягнят, скользящих по замерзшей траве в поисках материнского вымени.

В лунном свете я принялся
пересчитывать овец: пятьдесят семь.
Где же пятьдесят восьмая?

Чертыхаясь, я побрел осматривать канавы. Поля, окруженные вдоль живой изгороди глубокими дренажными рвами, были плохо приспособлены для овцеводства, но в те времена именно так и было. Лишь через много лет ягнята стали появляться на свет в сараях, застеленных соломой. Вот это роскошь!

Примерно через двадцать минут такого субарктического путешествия я нашел пропавшую овцу на дне глубокой дренажной канавы. Она тонула в ледяной воде, из последних сил удерживая голову над поверхностью, полумертвая от усталости и родовых мук. Даже в таком юном возрасте я уже несколько лет имел дело с ягнением овец и вполне мог бы помочь этой бедолаге. Но я не представлял, как вытащить ее из канавы глубиной четыре-пять футов, поэтому просто соскользнул в ледяную грязь и оказался рядом с ней. Нижняя часть ее тела была погружена в воду, поэтому я закатал рукава, погрузился в холодную воду и засунул свою маленькую руку в родовую канал. Сочетание морозного холода и теплой

ноэль фицпатрик

влаги родового канала было поразительным. Ягненок застрял. Его голова была опущена перед входом в тазовое пространство, и одна ножка была направлена в сторону моей руки. «Вот черт! Ну что за дерьмо!» В голове моей роилось столько запретных проклятий, что к следующей пятничной исповеди мне не пришлось изобретать несуществующие грехи: было в чем покаяться!

В этом возрасте я был мало в чем хорош. Честно говоря, я вообще ни в чем не был хорош, кроме как в помощи ягнящимся овцам. Я надавил на голову ягненка, чтобы он вернулся обратно в утробу. Это было не так уж трудно, потому что его мать окончательно обессилела и почти не сопротивлялась. Затем я подтолкнул вглубь переднюю ножку. Дело в том, что невозможно вывести в таз и родовой канал вторую ножку, сначала не вернув назад головку и первую ножку. Моя маленькая рука нащупала вдоль грудины вторую ножку и — опля! — обе маленькие ножки поднялись вверх, а нос ягненка оказался между ними. Я зафиксировал головку малыша между костяшками ножек и потянул по родовому каналу, пальцами второй руки придерживая головку с обеих сторон от глаз. «Давай, детка, давай!» И я потянул с такой силой, что отлетел назад и плюхнулся в ледяную воду канавы, прижимая к груди крохотную овечку.

Мокрый, скользя по грязи, я выкарабкался из рва и принялся откачивать новорожденную овечку. Раскачивая малышку за задние ножки, я похлопывал ее по груди при каждом взмахе. Я делал это много раз и, сколько себя помнил, всегда наблюдал, как это делает отец. Маленькой тростинкой я потыкал в ноздри ягненка, надеясь вызвать фырканье. Потом я прижался губами к ее ноздрям, высосал слизь, выплюнул на траву и подул ей в нос. Я продолжал делать ей искусственное дыхание, вы-

ягненок

сасывая и сплевывая слизь, тыкал в ноздри тростинкой и хлопал по этой маленькой груди, но все было напрасно. Овечка была мертва. «Вот черт!» Теперь у меня было целых два греха к пятничной исповеди. Плюс ко всему я был жалким неудачником. «Проклятье!»

Стоя на коленях в траве,
я смотрел то на мертвого ягненка,
то на захлебывающуюся в канаве
измученную овцу.

Меня ждал неминуемый разнос от отца, и его слова уже гремели у меня в ушах. Несомненно, это была моя вина. Во всем виноват я! Взяв себя в руки, я попытался вытащить несчастную овцу из канавы. Но она была совершенно обессилена и ничем мне не помогала. Я тянул ее за голову и передние ноги, но она не сдвинулась ни на дюйм. Тогда я попытался толкать ее сзади, чтобы она сама выбралась, но она, казалось, пыталась оттолкнуть меня. Оттолкнуть?! Черт, похоже, там еще один! Я сунул руку в родовый канал — и там действительно был ягненок. Он шел задом, и уже виден был хвостик. Мне нужно полностью развернуть его в ледяной воде или принимать как есть.

Я толкнул ягненка внутрь, и сразу же появились задние ножки. Правильно, малыш! Теперь давай! Я тянул как безумный, и вот крохотный ягненок выскочил мне

прямо в руки. Мы выбрались из канавы, и на этот раз я не сплеховал. Все повторилось вновь: тростинка в ноздри, раскачивание, отсасывание, сплевывание. Вдох, плевков... Да! Живой! «Ну же, малыш! Ну же! Давай, малыш, давай!» Еще несколько раскачиваний, и вот он уже дышит — по крайней мере, я услышал несколько вдохов. Меня ждала еще одна радость — овца начала выкарабкиваться из канавы. Я в третий раз соскользнул с глинистого берега, подтолкнул овцу, и она выскочила из рва, движимая отчаянным материнским инстинктом — скорее облизать своего новорожденного ягненка. Она так и сделала.

Мороз крепчал, и холод пробирал меня до костей. Я схватил ягненка и потащил его в относительно теплый сарай рядом с нашим домом. «Пошли, миссис! Ну, давай, миссис! Джин-джин-джин-джин... Ну же!» Кстати, я до сих пор не знаю, почему мы с отцом всегда так подзывали овец — «джин-джин-джин». Наверное, это какой-то древний овечий язык, дошедший до нас с пастушеских времен.

Я прошел уже полпути к дому, когда у меня вдруг повернулась нога, я поскользнулся, и маленький ягненок вылетел из моих рук. Мать мгновенно кинулась к нему, отчаянно тыкаясь в него мордой. Мое лицо было в футе от малыша, когда он испустил последний легкий теплый выдох, затуманивший мои глаза. «Нет, нет, нет, нет, нет! Пожалуйста, Господи, нет!» — мысленно кричал я.

Ягненок был мертв. Овца посмотрела на меня большими растерянными глазами, потом перевела взгляд на ягненка и принялась отчаянно его лизать, пытаясь вернуть к жизни. Я дрожал от беспомощности, отчаяния и страха. Стоя на коленях, я раскачивался из стороны в сторону, наблюдая, как овца изо всех сил пытается вернуть к жиз-

ягненок

ни скользкое безвольное тельце, которое с каждой секундой все больше холодело.

Упав на спину, я провалился в морозный туман, и ледяной воздух разрывал мое бешено колотящееся сердце. Я смотрел на холодные звезды, а слезы лились из глаз и замерзали на щеках. Я лежал и просто смотрел в эту бесконечность, неподвижный, одинокий и несчастный, а большая желтая луна смотрела на меня сверху вниз. Вся Вселенная была свидетелем моей никчемности и полной бесполезности. Несчастливая овца лежала рядом со мной, она тоже сдалась.

* * *

С тех пор я много раз вспоминал свой отчаянный вопль, обращенный в холодное небо, — долгий, утробный мучительный крик. В моей памяти все это стоит так живо, будто случилось только вчера. Я нашел на небе самую яркую звезду и всем сердцем пожелал быть сильным, смелым, умным, опытным и могущественным. Но всего этого во мне не было, и я ощущал себя жалким и беспомощным.

Как оказалось позже, в жизни я не раз буду чувствовать себя точно так же, прикладывая все силы, но все равно теряя своих пациентов. Всю жизнь я пытался не быть бесполезным и спасать животных, вопреки всему стараясь обмануть смерть и сохранить свет в их глазах. Я все время старался быть лучше, чем был, и даже чем мечтал быть. Но это мне так и не удалось. До сих пор я чувствую, что недостаточно искусен, недостаточно силен и недостаточно умен.

Работая ветеринаром-хирургом, я стараюсь сохранить свет надежды в сердцах своих молодых коллег; в детях, для которых пытаюсь быть примером; в циниках и уставших людях, готовых сдаться.

ноэль фицпатрик

Я хочу научить всех слушать
животных и друг друга.

Я верю в то, что все мы — звезды на небосклоне, ведь в глубине души мне все еще десять лет, и я до сих пор уверен, что, если каждый из нас принесет в мир частичку своего света, он станет лучше для нас и для всех животных.

* * *

Я доставил измученную овцу, лишившуюся обоих ягнят, в защищенный от ветра соломенный сарай и полпелся обратно в постель. Наверх я прокрадывался очень осторожно, надеясь не разбудить отца: все объяснения мне хотелось оставить до утра. В комнате я разыскал сухие носки и другой джемпер, залез в кровать и съежился под одеялом, растирая ступни, чтобы восстановить кровообращение после ледяной воды. Мое дыхание рисовало маленькие облачка пара в холодном воздухе. Мысль о предстоящем испытании подавляла меня, словно надомной нависла неотвратимость Божьей кары в виде гигантской длани Господа, так что я едва мог дышать. Но я страдал не столько из-за того, что завтра скажу отцу, сколько из-за того, что с этой минуты будет мучить меня всю жизнь. Я ни за что не хотел вновь почувствовать свою беспомощность. Я отчаянно желал стать сильным и умным.

Заснуть мне никак не удавалось. В непроглядной тьме я потянулся за своим верным ночным спутником — ста-

ягненок

рым транзистором *Sony*, который несколько месяцев назад извлек из кучи старого хлама и сделал ему антенну из проволочной вешалки. Я включил его, прижал к уху и начал настраивать в темноте, чтобы найти что-то, что поможет мне почувствовать себя не таким одиноким. Я медленно крутил черный пластиковый диск, но в приемнике было слышно лишь шипение, треск и снова шипение. И вдруг мою темную комнату заполнили нездешние звуки «Лестницы в небеса» группы *Led Zeppelin*. Я случайно наткнулся на «Радио Люксембург» (ныне не существующую пиратскую радиостанцию). Ничего подобного я не слышал ни до, ни после. Эта невероятная неземная мелодия перевернула мое сознание, показав безграничные возможности. Наконец-то я смог уснуть, во сне поднимаясь к звездам по своей собственной лестнице.

Спасибо тебе, безымянный ягненок, за то, что помог мне найти свою самую яркую звезду на небе. Благодаря тебе я однажды осознал свое место в мире. Да, у тебя не было имени, но именно ты помог мне обрести мое. В ту роковую ночь, которая определила дальнейший ход всей моей жизни, ты научил меня смирению и одновременно подвиг к самым высоким устремлениям.

2

Коровы, овцы
и земля

Мой отец Шон Фицпатрик

Я сделал свой первый вдох в среду, 13 декабря 1967 года, примерно в семь вечера. Накануне вечером мой отец Шон отвез маму Риту в больницу округа Лиинш в Порт-Лиинше и сразу же вернулся на ферму, чтобы присматривать за овцами и коровами. Роды были долгими и трудными. Свободных кроватей в больнице не было, и мама лежала на каталке в коридоре с вечера вторника до вечера среды, пока ее не перевели в родильное отделение. Доктор несколько раз подходил, похлопывал ее по животу и говорил: «Животик еще не готов, Рита, еще не пора». Мама рассказывала, что просила у проходившего мимо персонала обезболивающее, кричала: «Помогите мне!» Разумеется, безрезультатно. Ни физической, ни лекарственной помощи она не дождалась — в те времена это было не принято. Уверен, что сегодня даже в моей ветеринарной клинике ей помогли бы!

Отец при родах не присутствовал. Тогда это не практиковалось. Отцов в родильное отделение не пускали. Впрочем, он все равно был слишком занят работой. В больницу он приехал через пару часов после моего рождения и был очень доволен, что у него родился сын. И тут же снова вернулся к работе. Мама пробыла в больнице около недели, а за моим старшим братом и тремя сестрами все это время присматривала наша соседка миссис Данн, которая и стала моей крестной. Когда маму